

Провинциальный синдром

*Общая газета,
— 2000. — 13-19 янв.,
— с. 6*

Он присущ не только городу на Неве

Эту проблему наш корреспондент Татьяна ПОЗНЯК обсуждает с писателем Даниилом Граниным и режиссером Львом Додины, который вслед за Петром I прорубил в Европу окно. Театральное.

Даниил ГРАНИН:

Драма упущенных возможностей

— Даниил Александрович, когда-то были очень популярны слова про великий город с областной судьбой. Многие считают, что они и сегодня не потеряли своей актуальности...

— В советские времена в стране не саждался синдром провинциальности: Москва — столица, а всё остальное — сельсоветы. В особенности это касалось Ленинграда — как бывшей столицы. Претензии не поощрялись. Но уже в горбачевские времена этот дух начал понемногу выветриваться. Забавно, что наглядно это стало проявляться в телевизионной сводке погоды, где Ленинград занял особую строку рядом с Москвой. Однако провинциальность сознания поменять труднее, чем строчку на экране.

Почему в Европе нестолличные города никому не завидуют? Например, в Гамбурге выходит журнал «Шпигель», который читает вся Германия. То же можно сказать и о городской газете Франкфурта. А у нас ни один город, кроме Москвы, не может себе позволить выпускать всероссийскую газету. И дело тут даже не в деньгах — в самом принципе суперцентрализации жизни, который мы притализи-

из советского прошлого. Есть, конечно, исключения, но Петербургу в целом не хватает именно чувства самостоятельности для реального утверждения тех приоритетов, которые в принципе для всех очевидны. Это, безусловно, духовность и культура Петербурга. В них — сила и достоинство нашего города. В самые трудные времена здесь создавались художественные явления всесоюзного и даже мирового масштаба. Достаточно назвать театр Товстоногова, театр Райкина, Малый Драматический, Филармонический оркестр...

Есть, конечно, и потери: это касается, например, телевидения. Оно перестало быть общероссийским — и по факту, и по качеству. Может, это и хорошо, что его сегодня не видит страна — гордиться нечем. Оно пошлое и бедное, однако и центральные каналы подчас демонстрируют ту же самую пошлость, только ценой подороже. ТВ стало сегодня ареной ожесточенной экономической борьбы, и когда запахло большими деньгами, нас с этой арены выпихнули. Интеллигентность, которой славился некогда питерский канал, перестала быть ходовым товаром. А неумение драться за свои позиции — это тоже нынче черта провинциальная.

Я в свое время был на встрече с Ельциным, когда академик Лихачев выдвинул идею канала культуры и она была принята как чисто питерская. Но и тут москвичи оказались более хваткими и разворотистыми ребятами, и инициатива эта нами снова была упущена. Сегодня канал «Культура» — явление по преимуществу московское, это далеко не то, о чём мы когда-то мечтали.

— Стало быть, вы считаете, что пресловутая питерская провинциальность — это не что иное, как трагедия упущенных возможностей?

— Ну, если не трагедия, то драма. И в этой связи властям города следовало бы более четко определить приоритеты его развития: что для нас важнее — строительство Ледового дворца или сохранение архитектурных памятников и борьба с коммуналками. Может быть, то обстоятельство, что в российском правительстве наметился отчетливый петербургский уклон, даст нашему городу еще один шанс, который ни в каком случае не должен быть упущен.

Лев ДОДИН:

Общероссийский стиль — плохая «попса»

— Лев Абрамович, Малый драматический — театр Европы — как ни один другой в России включен в европейский театральный процесс и уже поэтому никак не может быть отнесен к явлениям провинциальным. И все же, насколько ваш признанный миром театр — плоть от плоти сегодняшней петербургской жизни?

— Мне кажется, говорить о том, что Петербург провинциален — бессмысленно, если умолчать о провинциальности российской жизни вообще. Ее отличительным знаком стало неизвестно откуда взявшееся чувство самодостаточности. Великодержавная риторика из формы политической болтовни незаметно вошла в содержание нашей жизни. Оказывается,

мы собою довольны, и ужасные вещи, которые творились и творятся вокруг, не мешают нам чувствовать себя в полном порядке. Мы улыбки и опасно спокойны. По-моему, нет ничего провинциальнее этих ощущений.

Культура страны — это не только явления художественные, это прежде всего уровень жизни людей, их образ мысли. И если люди живут не по-человечески и не всегда по-человечески думают, если тратят астрономические суммы на что угодно, кроме насыщенных нужд, если так легко примиряются с жестокостью — значит, они неуклонно становятся все более провинциальными.

Недавно, в очередной раз ненадолго включив телевизор, я увидел сюжет о губернаторских выборах в Подмосковье. В кадре летели сверкающие лимузины, одетые с иголки кандидаты по-голливудски улыбались, категорически не вписываясь в окружающий пейзаж. Но без сельской природы тут было не обойтись, хотя наше ТВ старается снимать по возможности вне пейзажа — и выборы, и чеченскую войну, поскольку пейзаж — это почти всегда правда. Так вот, пейзаж, который проникал в тот раз на экран, просто потрясал своей трагичностью и какой-то вековой — не отсталостью даже — а укорененностью в чем-то, что не имеет никакого отношения к сегодняшнему миру. И ведь это не где-нибудь в тайге, куда не ступала нога цивилизованного человека, а в ста километрах от столицы, где баллотируется в губернаторы спикер Думы, которая последние четыре года за этот «пейзаж» была в ответе...

А в следующем сюжете — про празднование Рождества — опять всё заслонили лимузины и крупные планы элиты, которая приехала в Елоховский собор. Как будто именно в этом — главный смысл происходящего. Суть событий из этих сообщений исчезает, как исчезает она все больше из нашей культурно-художественной жизни. Ее захлестнул вал плохой «попсы» — этаким смеси новой московской позолоченности с местечковой Одессой, что становится почему-то общероссийским стилем.

— Выходит, местечковая претенциозность и есть «столичный лоск»?

— Мне иногда кажется, что даже во времена железного занавеса, когда в нем только появились первые прорехи, мы все были менее провинциальны. По крайней мере, нас не покидало ощущение, что живем неверно, но что есть где-то другая жизнь и настоящие идеалы. И лучшие из нас (я имею в виду диссидентов) старались этим идеалам соответствовать. А те, кто послабее, по крайней мере, знали, что эти идеалы существуют. Про тех же, кто ничего не знал, говорить не буду, хотя как раз они и стали сейчас хозяевами жизни... Впрочем, не хочу впадать в ностальгию. И без того торжество «песен о главном» превращает сегодня наше бытие в одну непрерывную песню о чем-то весьма второстепенном.

Петербург — часть России и болен всеми ее болезнями. Только симптомы здесь оказались не так ярко выраженными. И как ни странно, именно это делает Петербург менее провинциальным. Еще не все тут надели смокинги на не вполне вымытое тело.